
ДАША КОЗЫРЕВА
НИКИ СЬЮ
ИЗМЕНА
Дэн Мороз
СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Даша Коэн

Измена. Дэн Мороз спешит на помощь

https://litres.ru/75016628

Аннотация

— Привет, любимый. У меня тут все почти готово: твоя любимая «шуба» уже в холодильнике пропитывается, оливье я тоже настрогала как ты любишь... — Варь... Сядь, поговорить надо, — строгим, таким серьезным тоном начал муж. — Ага, говори, я тебя слушаю. — Варя, я от тебя ухожу. — На работу? — Нет. К другой женщине. — Что? — не поверила я. — Варь, я устал. — От чего? — От вранья. И сил нет больше... — Сил нет? — Сил нет больше приходить к тебе, врать, что люблю, что ты мне нужна. Спать с тобой...

Представьте, что вам 30 лет, канун Нового года, все вокруг гуляют и поздравляют друг друга, а ваш муж с порога заявляет, что уходит к другой. И плевать ему на 10 лет брака. Представили? А я вот нет, но со мной именно так случилось, и как быть дальше, я не представляю...

Содержание

Глава 1 - С наступающим! 4
Глава 2 - Нож в спину 10
Глава 3 - Все тлен… 17
Глава 4 - Бабьи слезы 22
Глава 5 - Страшно 32
Глава 6 - Исповедальня 39
Глава 7 - Клин 52
Глава 8 - Я - женщина! 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Глава 1 - С наступающим!

Варя

— Жень, ты? — кричу из кухни, вытирая руки об фартук и поправляя растрепанные волосы. До нового года осталось буквально четыре часа, а я с утра как белка в колесе, даже не успела навести марафет.

Все хотелось, чтобы к приходу любимого мужа все было идеально, не только дом украшен и праздничный стол накрыт, но и я принарядилась, правда с последним не успела. Зато вон какая у нас елка в гостиной теперь шикарная стоит. Я ее сама сегодня с рынка пёрла на санках, которые у соседки взяла на погонять. Женька всю неделю обещал мне ее домой принести, но куда ему с его новой должностью такие мороки?

И без того работает сутками уже. Вот я и решила лишний раз его не напрягать.

Он у меня вон какой молодец. Карьерист! Не курит, почти не пьет, мне слова обидного никогда не скажет. И все в дом, все в семью тащит. Да и мужик видный — по улице идет, все женщины вслед смотрят. А я с гордостью несу звание его жены. Жалко только, что в последнее время, Женька мой какой-то мрачный ходит. Новый начальник с него столько требует, будто зуб имеет на мужа.

А он горбатится, как Папа Карло, да на работе допоздна задерживается, чтобы боссу угодить, а ему все не так, да все не то.

У-у-у, редиска!

— Привет, Варь...

Оборачиваюсь и расплываюсь в улыбке. Женька держит в руках коробку, перевязанную алым бантом. Это видимо мне подарок на Новый год приготовил.

М-м, родной мой!

— Привет, Жень. У меня тут все почти готово: твоя любимая «шуба» уже в холодильнике пропитывается, оливье я тоже настрогала — как ты любишь, с яблоком и языком, утку только поставила запекаться, мясо по-французски почти готово. Сейчас в душ быстро сбегаю и бутерброды с икрой намажу. Правда, же я у тебя молодец?

И поправила на себе вафельный халат, приосанившись и улыбаясь от уха до уха. Муж еще не знает, а я ему еще и подарок приготовила: свитер связала. Сама! Под цвет его глаз — темно-коричневый. Три месяца пыхтела, но с задачей справилась, и получилось очень красиво. Лучше, чем в магазине!

— Варь...

— М-м?

— Сядь, — указал мне Женька на табурет, стоящий у стены, и я тут же кивнула, понимая, что заботливый супруг видит, как я забегалась за целый день и понимает, что мне нужна краткая передышка.

— Да я быстро ополоснусь. Одна нога тут, другая там.

— Сядь, говорю. И да, это тебе, — и протянул мне коробочку с подарком.

— Ну, ладно. И спасибо! — засияла я и все-таки опустилась на стул, зажмуриваясь и вздыхая с облегчением.

Вот это день! Сумасшествие какое-то!

— Варь, поговорить надо, — строгим, таким серьезным тоном начал он.

— Ага, говори, — закивала я, все еще закрыв глаза и сама себе разминая плечи, — я тебя слушаю.

— Посмотри на меня, Варя.

— Смотрю, — открыла я один глаз и рассмеялась. — Опять начальник кровь пил, да?

— Нет. — Чеканит, как отрезает он. Неужели ему настроение в такой день умудрились испортить? Ну что за люди, ей богу. Праздник же на дворе, могли бы вообще выходной дать. Эх…

— А кто тогда? — подалась я ближе и попыталась накрыть сжатые кулаки мужа своими ладошками, но он тут же отнял руки.

— Варя, я от тебя ухожу.

Не понимаю. Улыбаюсь растерянно, прикидываю в голове варианты. На ум приходит только злыдень-босс, который опять поручений надавал, может он им выходные отменил? А что, вполне себе возможно.

— На работу? — спрашиваю я.

— Нет. К другой женщине.

— Что? — в ушах начинает шуметь. Накрывает паникой, но еще не слишком. Сердце замирает, да и я сама кажется, не дышу. Так и сижу, разинув рот, словно тупая рыба, глотая губами воздух. Послышалось может? Вроде нет.

— Варь, я устал. — Шумно выдохнув, произносит муж.

— От чего? — Недоумеваю я, совсем по-идиотски хлопая глазами.

— От вранья.

— Вранья? — шепчу обескровленными губами и чувствую, что не могу сделать вдох. Легкие отказываются качать кислород.

— Варь, ты прости меня, но я тебя не люблю. И, кажется, никогда не любил. Предложение по дурости сделал, а потом тысячу раз пожалел об этом. Мы же с тобой как с разных планет. У тебя на уме одни лишь дети и домашняя рутина. А потом я твою подругу Ленку увидел и как ото сна проснулся. Меня к ней магнитом потянуло. Никогда ничего подобного не чувствовал, а тут накрыло, что сил нет.

— Сил нет? — снова как во сне повторила я за ним шепотом.

— Сил нет больше приходить к тебе, врать, что люблю, что ты мне нужна. Спать с тобой...

— Замолчи! — закричала я, и слезы все-таки хлынули из глаз.

Захлебнулась ими. Уши закрыла. Зажмурилась, чтобы не

видеть эту жестокую картинку, когда мой любимый Женя смотрит на меня, как на грязь под ногтями. Нет! Это просто кошмар! Я сейчас проснусь и...

— Я, собственно, пришёл, чтобы шмотки забрать. И сказать тебе, чтобы ты меня больше не ждала. Я не вернусь, Варь.

Женька разворачивается, а я срываюсь с места и как дура бегу за ним, смотрю, как он спешно собирает вещи в спортивную сумку, а затем идет в коридор. Перед глазами застыла наша свадьба, первая брачная ночь, как он томно на ухо звал меня по имени. Нет, может особой романтики у нас никогда и не было, да и цветы муж почти никогда не дарил... Он вообще не сторонник романтики. Но я никогда не заостряла внимания, мы же семья! Одно целое!

В горе и в радости...

Женя спешно засовывает ноги в ботинки, а мне не верится, что он уходит. Прямо сейчас. В канун Нового года.

— Женя, но я ведь люблю тебя! — дрожащими губами произношу я жалким, тоненьким голоском.

— А я тебя нет, — равнодушно рубит он, и я снова начинаю плакать. И нести бред.

— И как же я теперь без тебя? А праздник? Я же так старалась, хотела тебе приятное сделать!

— Приятное? Что ж, тогда дай мне спокойно уйти, Варя. Это единственное от чего мне будет приятно.

Через секунду входная дверь за моим мужем закрылась.

А я осталась одна. Наедине со своим ужасом и горем.

С Новым годом, Варя! С новым несчастьем!

Глава 2 - Нож в спину

Варя

Минут пять сижу ни живая ни мертвая, в уголке, на коврике. У меня тихая истерика, когда осознание еще не пришло, но слезы уже градом катятся по щекам. Тело колошматит страшно и зуба на зуб не попадает.

Больно. Очень больно! Ломка за любимым человеком уже достигла своего апогея. Как он там сказал?

Я не вернусь...

Боже, пусть он соврал, умоляю! Пусть загулял немного, да. С кем не бывает? Вот как мой дед покойный говорил: баб у мужика может быть много, а любимая женщина всегда одна.

И это я! Я! И только я! Ведь правда?

А я его потом прощу, потому что доля такая бабская мужчину своего прощать, когда он оступится. А как иначе? Так ведь любая может прийти, поманить его и он уйдет! А я за своего Женю бороться должна! Что же я просто так возьму и отпущу его после стольких лет брака?

Нет!

О боже, о чем я вообще думаю, тупица? Неужели я себя на помойке нашла?

За окном еще так противно бахают петарды новогодние и по телевизору Басков поет какую-то ужасную празднич-

ную песню. Все это так неожиданно злит, аж кровь в жилах стынет. И я подскакиваю, нервно щелкаю на кнопку пульта, лишь бы поскорее пропали звуки, только от этого ничуть не легче. Наоборот — в тишине даже хуже становится. Начинает тошнить. В ушах так и продолжают звучать слова Жени: «ухожу, не люблю, мы разные».

Слезы бесконечным потоком катятся по щекам, я их вытираю рукавами халата, в надежде, что сейчас они закончатся, однако им хоть бы что — катятся и катятся. А потом меня захватывает новой волной эмоций, и я, поддавшись им, хватаю мобильник, который валяется на диване, и набираю Ленку.

Сама утешаю себя, что вряд ли подруга предала меня. Это Женька просто обиделся на что-то, верно? Может на работе проблемы и он захотел с мужиками где-то посидеть, выпить, а как сказать не знал. Вот и придумал ерунду. Ну точно! Как же я сразу не догадалась. Отношения... их нельзя за один раз перечеркнуть. Тем более мы не первый год вместе, столько пережили, вон недавно ипотеку закрыли. И уже почти решились на ребенка. Женя мне обещал, что у нас их обязательно будет двое.

На том конце раздается голос Лены. Радостный такой, задорный, мой на ее фоне кажется тухлым помидором.

— Привет, Варек, — мурлычет она в трубку.

— Лена, привет, — хриплю я.

— Ну, привет, коль не шутишь, подруга.

— Лен, скажи, скажи... — заикаясь собственной болью, тараторю я. — Ты и Женя? Вы... ну... это же неправда, Лен?

Ленка отвечает не сразу, будто пытается подобрать слова или мне кажется, что время замерло. Вздыхает в трубку, прокашливается, а затем рубит мне голову.

— Он что тебя только что бросил? Тридцать первого декабря? В канун Нового года? М-да, уж..., — каким-то уж больно жалостливым тоном говорит подруга, отчего мне становится еще печальнее.

— Так... это правда? У вас...

— Правда, — сухо сообщает Ленка, словно диктор по радио, который читает скучные новости.

— Ты с моим мужем? — хриплым голосом пищу я в трубку.

— Не понимаю твоего удивления, подруга. Ну какой он тебе муж, если у вас секс только по праздникам? А ты ему лишь борщи варишь, да рубашки наглаживаешь. Так что никакая ты не жена, а бесплатная домработница, Варя.

— Домработница? У нас семья! Мы десять лет в браке! Да как ты могла! — обида захлестывает, я уже плохо соображаю, что говорю. Не сказать, что мы с Ленкой прямо лучшие подружки, но все-таки дружили со школы, многое вместе пережили. Я как сейчас помню, ее на выпускном бросил парень, и, чтобы Лена не отчаялась окончательно, я с ней столько дней провела. Утешала как могла, поддерживала. А как в десятом классе ей бойкот объявили, потому что парень

нашей старости запал на Ленку, и снова я тут как тут, помогла, не отвернулась. И вот ее благодарность!

Но то, что отвечает мне бывшая лучшая подруга повергает меня в настоящий шок...

— Ой, Синицына, ну что ты начинаешь, — таким пренебрежительным тоном восклицает она, что у меня аж дыхание перехватывает от возмущения. — Как будто не знаешь, что если мужик не захочет, баба не вскочит.

Вообще-то, там было наоборот, но я спорить не стала. Лишь всхлипнула несчастно.

— Лена, я же люблю его...

— Ну так и люби, только какой в этом толк? Он тебя не хочет, раз пришел ко мне. Варёк, где твоя гордость? Мне жаль тебя, но я ничего такого не сделала. Да и он, знаешь, сколько про тебя рассказывал?

— Сколько?

— Да уж достаточно. Например, я в курсе, почему вы вообще поженились, Варя. Потому что ты на третьем курсе от Женьки залетела, а он, как настоящий мужик, тебе предложение сделал. Кто же знал, что у тебя выкидыш будет? Он после сразу хотел развестись с тобой, но родители его попросили тебя не бросать так сразу, мол, стерпится да слюбится. Но, увы, не получилось, как видишь.

— Это все неправда, — шептала я в бреду, понимая, что моя жизнь вся сплошь была фальшивкой.

— Что, думаешь, не знаю я, что вы даже не спите? А когда

и спите, то только потому, что ты ноешь все время? Он ведь к тебе шел, как на каторгу, Варь. Мучился он с тобой. Страдал! Ему твои борщи и запеканки поперек горла встали! Но, знаешь, что самое страшное для Жени было, Варь?

— Что? — в онемении спросила я, окончательно сломавшись.

— Если бы ты забеременела. Вот, где бы был конец света. Потому что ни один мужчина не хочет, чтобы ему рожала женщина, которая ему, что кость поперек горла. А меня он любит! И умоляет родить ему ребенка. Поняла?

— И как долго это у вас?

— Год! — с гордостью выдала «дорогая подруга», а я мысленно подсчитала временные промежутки. Мы с Ленкой со школы не виделись, а полтора года назад на встрече выпускников пересеклись. Я даже помню, как это было.

Кафе. Мы все знатно подшофе. И я Женьке позвонила, чтобы он меня забрал и домой отвез. Вот и Ленка навязалась с нами. Мы ее тогда подкинули и домой поехали. Я в тот вечер в машине пьяными и влюбленными глазами смотрела на своего Женю, а он...

А он в зеркало заднего вида в Ленку влюблялся, значит?

Вот как получается — я сама их свела. Сама своего любимого Женю в сети этой вертихвостки толкнула. Ну, ничего, бог все видит. И справедливость в этой жизни тоже существует.

— Варя, ты там не думай, что я вся такая плохая и мужа

твоего увела. Потому что неправда все это. Ты сама его отпустила. Нет, больше. Ты ему волшебного пенделя вставила для пущего ускорения. Вот подойди и посмотри на себя в зеркало. Кого ты видишь? Клушу домашнюю, которая окопалась в четырех стенах и сидит на жопе ровно. А мужику женщина нужна! Тигрица! А не чучело с гулькой на голове в засаленном халате. Ты когда последний раз у косметолога была? Могла бы губы себе подкачать немного, ресницы сделать, все дела. А ты? Так что, на меня не гони, Варек. Я не виновата в том, что ты превратилась в пугало огородное.

И сразу же перед глазами предстал образ Ленки. Грудь четвертого размера и неестественно пухлые губы, ресницы опахалами, нос после ринопластики, ботокс повсюду и вызывающие тряпки, которые больше демонстрируют, чем закрывают.

— Не реви! Лучше совет от меня запомни: не готовке учись, а минеты делать. Может тогда хоть какой-то толк с тебя будет, а так... Лучше сразу кошек заводи и смирись, что никому ты не нужна, Варек.

А я больше не слушаю, нет. Сбрасываю вызов и снова реву. Как он мог? Вынес всю нашу личную жизнь на обсуждение. Меня виноватой сделал. А ведь можно было бы просто поговорить со мной, обсудить, что ему нужно в постели, а что нет.

Но Женя не стал этого делать. Просто потому, что ему это было не нужно. И я не нужна.

И Ленка права — Женька с радостью воткнул мне нож в спину, как только подвернулась такая возможность. Он целый год убивал меня и мою любовь к нему, а я даже и не знала, что умираю...

Глава 3 - Все тлен…

Варя

Боже, что же мне теперь делать? У меня ведь, получается, совсем никого не осталось. Я полностью растворилась в браке, в Жене и общалась близко только с Ленкой. А теперь выходит так, что все меня бросили и не от кого ждать поддержки...

Всхлипнув, беру телефон и набираю маму. Хочется простого человеческого доброго слова, банального участия. И выговориться тоже охота невероятно, чтобы вычистить душу от грязи и заполнить ее чем-то светлым, где я не виновата в том, что от меня ушел муж. Где все будет хорошо.

Однажды...

— Здравствуй, Варвара, — на том конце раздается как обычно серьезный голос. Мама у меня вообще скупая на эмоции, будто Сталин в юбке. В школе ее некоторые за глаза так и называли, еще во времена, когда я училась. Она же у меня скоро как двадцать лет будет, преподает физику и астрономию. И у меня преподавала, я тогда жутко комплексовала, особенно когда мама всем двойки ставила за поведение. Ребята потом меня винили в этом, мол, не можешь что ли договорится, что мы все страдаем. А я не могла. Ну не такая она у меня.

— С Новым годом, мам, — всхлипнула я, но родительни-

ца даже не заметила этого.

— С новым счастьем, дочь, — сухо и деловито отвечает она.

— Мам, от меня Женька ушел! — и следом рыдания буквально вырываются из меня, не могу ничего с собой поделать. Такого унижения и горя я никогда в жизни не испытывала. Сначала об меня вытер ноги любимый мужчина, а потом и подруга в душу огромную кучу дерьма навалила.

Не жизнь, а малина просто!

— Ушел? Когда? — удивляется мама, шелестя пакетом. Кажется, она тоже во всю готовится к празднику.

— Сегодня? Минут двадцать тому назад!

— М-м, ну понятно.

— Что... что тебе понятно, мам?

— Ну, ушел муж. Ну, с кем не бывает. Все мужики — козлы. Я тебе об этом, между прочим, уже говорила.

— Мам...

— К кому ушел-то хоть?

— К Ленке, представляешь!

— Ну, а чего не представить-то? Охотно верю...

— Пришел и сказал, что все — не любит меня больше. А она такая вся волшебная, что у него там все полыхает, — и снова я заливаюсь слезами, кусаю губы от досады. Взгляд еще, как назло, цепляется на фоторамке, где мы с Женей стоим такие счастливые, в свадебных нарядах. Я склонила ему голову на плечо, а он приобнял меня за талию. Обещание

верности и любви до гроба, оказывается, в итоге, и гроша ломаного не стоило.

— Сама виновата, Варвара, — слова мамы бьют под дых. А она, будто почувствовал, что попала в мое слабое место, давай добивать. — Я сколько раз говорила тебе, выходи на работу, займись собой и будь автономной от мужа? Сколько? А ты чего? Все в рот ему заглядывала да отнекивалась, что у вас все хорошо, мол, отстань. Вот тебе и вышло по итогу. Хорошо, хоть детей не нажили, а так бы еще и с прицепом осталась. Ты там, часом, не беременна?

— Мам, да как ты... — нет, моя дорогая родительница и раньше не раскидывалась жалостью, но мне казалось, что в таких ситуациях она поддержит, скажет доброе слово.

— А что мам? Скажешь, я не права? Когда я прошлый раз была у вас, ты вспомни? Ты в трениках и футболке по дому гоняешь, а эта Ленка в платье с прической сидит и глазки твоему Женьке строит. И ты сама эту хищницу в свой дом привела. Так что, кто тебе виноват? Нет, Варвара, жалеть я тебя не буду, даже не рассчитывай. Никакой женской хитрости в тебе нет. Дура дурой, господи тебя прости...

Губы дрожат, сердце на измене бегает волчком. Меня будто со всех сторон зажали и требуют прыгнуть с парапета. Ужасное ощущение, безнадежное. Не понимаю, чем заслужила такое? Я столько лет жила, думая только о доме, о будущем, о детях. Мне казалось, что у нас идеальная семья. Хотела угодить мужу постоянно. Рано вставала, несмотря на

то, что спать ой как хотелось. Готовила завтраки, экономила на всяких мелочах, прокладки и те покупала подешевле, чтобы лишнюю копейку сэкономить, и каждый раз пыталась что-то новенькое придумать. Женьке вообще ничего не приходилось делать: я даже тарелки со стола не заставляла его убирать. И вот чем моя забота обернулась...

Не такая.

Недостаточно красивая.

Ленка лучше.

— А ничего, что Женя сам меня дома просил сидеть, мам? Я что должна была делать, если ему все было не так: то должность не такая, то в коллективе слишком много мужчин, то начальник ему мой не нравится. Я же не сама вся такая на попу ровно села, а потому что мужу пыталась угодить!

— Ну и как, угодила, Варвара? — жестоко рассмеялась мать, а у меня нижняя губа задрожала. — Наверное, еще и гордилась тем, что муж тебя содержит пока ты дома деградируешь, да? Пока он развивался и любовниц вне дома заводил пачками, ты ему блинчики пекла и трусы наглаживала, считая его пупом всей твоей вселенной. Вот тебе и закономерный итог. Так что, подтирай свои сопли, слюни, дочь и делай соответствующие выводы.

Обида так захлестывает меня, что я сбрасываю вызов, не дослушав мамины нравоучения. У них-то то с отцом все гладко, она его тотально контролирует. Матриархат! Идеальные, блин, отношения, когда мужик под каблуком даже ды-

шать боится. Куда уж мне и Женьке до них...

Поднимаюсь с дивана, бегу в коридор и на ходу накидываю на себя куртку. Впервые хочу напиться вдрабадан. Да так, чтобы забыть обо всем на свете и той пустоте, что образовалась в груди. Гори оно все синем пламенем!

Я сама отмечу новый год, осталось только найти себе подходящую компанию...

Глава 4 - Бабьи слезы

Варя

Захожу в круглосуточный магазин, который стоит у нас на остановке, возле дома, и славится тем, что может в любое время дня и ночи продать алкоголь из-под полы. До меня доносятся голоса продавщиц:

— Ой, Зойка, вот же непруха, отмечать праздник тут — за кассой, — бурчит полненькая женщина, подкрашивая губы бордовой помадой и разглядывая себя в зеркальце. — Дома муж еще такую поляну накрыл. А я тут сижу. Где справедливость?!

У меня от слова «муж» внутри все сжимается, и сразу перед глазами мелькает, как мы в прошлом году собирались у Жениных родителей. Он жарил шашлык на улице с отцом, а я с его мамой нарезала салаты. Она, конечно, постоянно тыкала, что я режу неправильно, но я готова была терпеть. Все-таки семья, как иначе-то?

Глаза застилают слезы, до того горько и обидно, но я делаю глубокий вдох и хватаю с полки первую попавшуюся бутылку водки. Да не пошло бы оно все? Выпью и забудусь. Точно! А утром пусть будет плохо от похмелья, а не оттого, что мне сердце в дребезги расколошматили все кому не лень.

Женя, Лена, мама...

На кассе еще, как назло, оказывается, что я забыла карту

дома. Неудобно, жуть. Краснею, прячу глаза, а у самой руки трясутся. Благо продавщица позволяет взять в долг и записывает мою фамилию в один столбик со всеми забулдыгами района. Боже, как низко я пала...

— Мне только компресс спиртовой сделать надо. Муж поскользнулся на льду и вот, ушибся, — мямлю я какую-то ересь и чувству, что уши мои под вязаной шапкой вспыхнули, словно два факела.

— Не переживай и не оправдывайся, Варь, я же знаю вашу семью. Вы же с Женькой порядочные. Завтра занесешь, — отмахивается по-свойски женщина. Благодарю ее, и пулей вылетаю на улицу. Снег валит, как никогда: крупный, пушистый, какой-то сказочный. Подставляю ладони, и вдруг вспоминаю, что в детстве услышала от одной бабули: если поймать снежинку, сжать руку и успеть загадать желание, пока снег не растаял, все сбудется. Глупость, конечно, верить в такое в моем возрасте. Тридцать лет — не пятнадцать. Но я все равно пробую.

Зажмуриваюсь и изо всех сил прошу, кого не знаю даже, просто прошу, чтобы и в моей жизни случилось что-то очень хорошее. Чтобы меня любили просто за то, что я есть, и хотели ко мне возвращаться. Чтобы я нравилась без пластики носа, накачанных губ и силиконовых грудей. И ребенка бы. Хотя бы одного. Мне много ведь не надо.

Мальчика я бы назвала Егоркой. А если бы родилась девочка, то Милашей.

Женька так-то был против детей, все просил чего-то подождать. Говорил, еще рано, не время. То с ипотекой рассчитаться, то новую машину купить, то участок за городом и дом построить. А я ему, дура, верила и соглашалась, забивая на свои желания, лишь бы он был доволен. Но я ведь тоже не молодею, годики тикаю, правда... какие уж тут дети? Да и от кого мне теперь рожать?!

Разжимаю ладонь, и смотрю как капелька стекает на землю. Скорее всего, и здесь у меня не получилось. Неудачливый человек, он во всем такой.

Хмыкнув, смотрю на бутылку в руке и читаю название беленькой: «Бабьи слезы». Надо же, даже водка надо мной насмехается. Но менять уже не решаюсь, запихиваю бутылку водки в пакет и бреду к себе во двор.

Повсюду толпами уже провожают уходящий год пьяные компании. Тут и там взрываются салюты. А мне на весь этот праздник жизни смотреть невыносимо. И сразу же в голову пролезает страшная мысль о том, что именно сейчас мой Женька отряхивается на пороге нового дома от снега и с облегчением прижимает к себе Ленку. Смотрит на нее с любовью в карих глазах, а затем, улыбаясь, говорит:

— Мы свободны, моя дорогая. Эта очкастая дура теперь в прошлом и отныне мы можем трахаться, не боясь быть застуканными. Я ее бросил, как ветошь в старом году, чтобы новый начать с тобой — с любовью всей моей жизни. А Варька? А Варька была мне небом послана, чтобы лишь с тобой

познакомиться...

Боже мой, как все это пережить и не сойти с ума?

Сворачиваю в темную арку, ведущую к моему дому, и на мгновение притормаживаю, опираясь рукой о кирпичную стену и прикрывая глаза. Дышу часто. Сердце от боли на куски разрывается, а сознание измывается над поруганными чувствами, подкидывая мне цветные картинки, где Женя самозабвенно целует мою подругу, раздевает неторопливо, а затем разводит ее ноги и вонзается в нее, хрипло выстанывая о том, как ему с ней хорошо.

Не то, что со мной, с ненужной женой.

А-а-а!!!

— Де... девушка, — слышу я страшное рычание и вздрагиваю, а затем взвизгиваю, замечая почти в кромешной темноте прямо перед собой черную фигуру, которая полулежит в сугробе арки. И тянется рукой ко мне.

Фу ты ну-ты, только облезлого бомжа мне и не хватало для полного счастья! Наверное, уже налакался в дугу, а теперь на мои «Бабьи слезы» покуситься собрался, окаянный! Шиш! Не отдам!

Огибаю это тело по широкой дуге и припускаю в сторону своего подъезда, но, оглянувшись, понимаю, что и пропитый бомжара не бросает своих намерений спереть мой заветный бутылек.

— Девушка, — хрипит он страшным, сиплым от многочисленных возлияний голосом, — по-помогите.

Мне бы кто помог!

Еще сильнее ускоряюсь, понимая, что бездомный синяк уже почти нагнал меня. Вскрикиваю и осознаю, что со свистом падаю, поскользнувшись на обледенелой мостовой. Шлепаюсь, ударяясь головой о наледь, но пакет с водкой прижимаю к себе, как зеницу ока. Мне почему-то кажется, что она меня спасет ото всех бурь.

Правда, есть ощущение, что бомж тоже так думает про мою бутылочку.

Тоже растягивается на тротуаре, но умудряется прихватит меня за ногу. Я рычу, с силой бью его ногой по руке.

— Де-девушка, — сипит он, — да что же вы?

— Я сейчас полицию вызову! — задыхаясь, угрожаю я, пусть выходит жалко. И я это сама понимаю, а потому резво вскакиваю и несусь к подъезду. Правда не успеваю добежать всего пару шагов до заветной цели, как меня настигает бомжара и хватает за руку, резко дергая на себя.

— Девушка! — едва ли не ревет он, да таким страшным голосом, что жажда жизни пересиливает страх: размахнувшись, как следует, пакетом со своей водкой, бью им мужика по лбу.

Бах!

Он стонет протяжно, хватаясь за лоб. А затем падает навзничь.

И затихает.

Ой, кажется, я убила человека...

Сердце беснуется, едва ли не выпрыгивая из груди. Меня трясет! Прикусив губу, гляжу по сторонам — на удивление во дворе ни души. И я, грешным делом, думаю, а не оставить ли мне этого пропойцу прямо тут, на улице встречать наступающий Новый год.

И плевать, что за бортом уже жмет градусов пятнадцать со знаком минус. Он сам виноват — нечего было на меня и мою водку нападать исподтишка. А с другой стороны, оставление в опасности тоже статья.

Блин, блин, блин!

Что же мне делать?

Присаживаюсь и склоняюсь над мужиком, поворачивая брезгливо и кончиками пальцев к себе его лицо. Дышит! Слава тебе господи!

В темноте не разглядеть особо, что там да как, но явно чувствуется запах алкоголя, причем не дешевого пойла, а шоколадный аромат коньяка. Видать, не на меня одну он в своей подворотне засаду устроил, гад такой. В глаза бросается ухоженная щетина и огромная шишка на лбу. А еще несколько кровавых ссадин на скуле и разбитая губа.

Ну, это точно не мое творчество. Шишка — да — умею, практикую, но вот остальное...

Хотя, если этот выпивоха загнется, то мне все припишут лишь бы поскорее виноватого найти и дело закрыть. И что тогда?

Ой, да чего я тут расселась, идиотка, ноги делать надо! А

не о всяких непонятных переживать!

Но не успела я даже подняться, чтобы слинять в подъезд, а затем и в свою квартиру, как дверь подъезда скрипнула, а из нее вышла моя соседка и, по совместительству, первая сплетница на районе — Нинка Купцова.

Она воззрилась на то, как я восседаю рядом с бесчувственным телом неизвестного мне мужика. Считай, что с поличным!

Ой, ё-моё...

— Вареник, ты, что ли? — навеселе и с дождиком на шее, горлопанит женщина. Я же пытаюсь сообразить, как быть дальше, сердце не на месте, но идей толковых нет.

— Нин, — бормочу, не зная, что и сказать.

— А чё это ты тут делаешь? — пьяно лопочет она.

— Я? — сглатываю громко.

— Ой, а это кто?

— Это? Пф-ф..., — гляжу я на бомжа и из-за фонаря, ярко светящего из все еще открытого подъезда, понимаю, что передо мной лежит мужик, который на бездомного не очень-то и похож.

Вот от слова «совсем» как бы.

Нет, конечно, он мог бы украсть с чужого плеча дорогое пальто и ботинки, но уж никак бы не раскачался в своих трущобах до такого богатырского размера.

Мама, мамочки!

Во что я вляпалась? А если мне этот персонаж предъявит

за избиение и тяжкие травмы? Сверху еще припишет дальнейшее обморожение по моей вине на морозе, то куковать мне в местах не столь отдаленных, как пить дать!

— Женькин брат, что ли, приехал?

— Ага, брат, — тут же киваю я, зачем-то радостно хватаясь за эти слова и еще не понимая всех последствий такого решения, — Двоюродный!

— Налакался, да? — икая, фыркает Нинка.

— Как видишь, — вздыхаю я, а затем, состроив щенячий взгляд, выдаю, — поможешь до квартиры дотащить его, Нин?

— А где твой муж?

— Объелся груш, — рычу я, но тут же заставляю себя улыбнуться. — У нас майонез закончился, на оливье не хватило, вот он к Зойке в магазин и побежал, но что-то долго нет, наверное, все разобрали. А тут этот развалился, сейчас замерзнет насмерть и придется Новый год в приемнике встречать. Так что, вся надежда на тебя, Нинка.

— Ой, и бедовая ты, Варёк! — покачала головой соседка. К счастью для меня, отказывать в просьбе не стала: засучила рукава и ухватилась за ноги моего элитно приодетого бомжа.

А я за руки.

Покряхтели немного, не сдвинув толком эту груду мышц с места и решили, что пора вызывать Нинкиного мужа. Он, хоть и был уже в умат пьяный, все ж-таки обладал силушкой богатырской, так как работал пожарником и таскал на посто-

янной основе брандспойты со шлангами.

— Передай своему Жеке, что он мне за доставку брата торчит пузырь, — хохотнул сосед, а затем обнял свою жену, которая и позабыла куда шла в столь поздний час, да и скрылся с глаз моих долой.

А я вздохнула потерянно, глядя на то, как совершенно незнакомый мне мужик полулежал теперь на моем диване. Мамочки, вот это подарок с неба упал! И от досады всхлипнула, прижимая кулак к губам, а затем и прикусывая его со всей силы, чтобы не заорать от безысходности.

Не так я себе представляла, что буду отмечать этот Новый год! Совсем не так. Но как говорится, что имеем…

Дрожащей рукой открыла сервант, достала из него хрустальную стопку, а затем и водку из пакета. Быстро налила себе пятьдесят грамм и, не думая, влила в себя залпом. Зарычала, гадость какая, выпучив глаза, но не дрогнула.

Итак, что мы имеем в сухом остатке?

Теперь было совершенно ясно и понятно, что я огрела по башке никакого не бездомного забулдыгу, а приличного человека. А это уже совсем другой коленкор и статья, если дело дойдет до полиции.

Взяла табурет и присела напротив мужика, разглядывая черты его лица. На вид лет сорок, может чуть больше. На висках и бороде уже наметилась седина. Костяшки пальцев сбиты в кровь. Лицо и в правду хорошо так набуцкано.

Наклонилась ближе и легонько потрясла незнакомца за

лацканы пальто.

— Мужчина!

Ноль эмоций...

— Мужчина! — еще громче крикнула я и потянула его за руку, но тут же забыла, как дышать и проглотила немой крик, встречаясь с совершенно черными и злым взглядом.

А он еще как заорет!

— Убью, блядь!

Но почти тут же, пока я едва ли не словила инфаркт миокарда от страха, обмяк, вдруг впившись в меня пристальным взглядом. Улыбнулся блаженно и качнул головой.

— Я в рай попал, да? Ну, чего молчишь, Ангел?

И снова отрубился...

Глава 5 - Страшно

Варя

Иду на кухню, ищу там нашатырь, а сама вся изнервничалась. Руки вон как трясутся, ну что за непруха такая? Народ веселится, выпивает, наяривает «оливье», пока я тут пытаюсь растормошить мужика, свалившегося камнем на мою голову.

Возвращаюсь в комнату, а он все лежит на диване, и глазом не моргнет. Подхожу к побитому, несколько секунд мнусь невнятно, потом все же подношу ватку с нашатырем к его носу. Ну давай, друг, открывай глаза, неужели мне скорую вызывать придется? И что я им скажу? Нашла незнакомца на улице? А вдруг он потом на меня кляузу напишет? Нет, буду ждать.

И мужик, в самом деле, открывает глаза, постанывает, кажется, окончательно в себя приходит. Беру графин на столе, наливаю воды и подношу к нему. Он бегло окидывает взглядом комнату, затем на мгновение замедляет его на мне. Улыбается зачем-то.

Наверное, все же, сотряс...

И пока незнакомец меня осматривает как-то блаженно, едва ли не пуская слюнку, успеваю несколько раз нервно сглотнуть. Он осушает стакан воды, затем кое-как, не без кряхтения, поднимается и теперь предстает передо мной в

сидячем положении. Дотрагивается пальцами у висков, видно голова болит.

И смачно так, трехэтажно материться. Воспроизвести не смогу — то из непереводимого.

— Я вас на улице нашла, — решаюсь я начать конструктивный диалог первой. — Хотя... вы и так, наверное, это помните. Правда ведь?

Но мужик лишь смотрит на меня как-то уж больно странно и упорно молчит. А я начинаю не на шутку психовать. Ну, как бы, посидели и расходимся. У меня тут бутылка водки без дела пропадает и горе не запитое сердце бередит.

— Слушайте, кому нужно позвонить, а? Все-таки Новый год на носу. Вас, уверена, ваша семья ищет, волнуется.

Мужик несколько раз моргает, словно пытается сообразить, что ответить. К слову, если приглядеться, он такой — видный. Холеный, если убрать кровоподтеки на лице и чуть поплывший взгляд.

— Твою мать! — вырывается у него, и я снова вздрагиваю от неожиданности.

— Что? При чем тут моя мать?

— При том, что я нихрена не помню. В голове пустота и мертвые с косами стоят.

— Вы шутите?

— А я похож на Петросяна?

— Да вроде бы нет, — поджимая губы, разглядываю его более внимательно.

— Значит, я абсолютно серьезен, Ангел.

— Меня Варя зовут, — зачем-то говорю я.

— Эх, Варвара, нам ли быть в печали..., — чешет мужик макушку и снова улыбается мне как шальной. А меня начинает реально напрягать этот разговор.

— Так погодите. Давайте еще раз: вы что правда ничего не помните? Совсем-совсем ничего? — мое сердце ухает в пятки.

— Угу, — он снова вздыхает, затем закрывает глаза и какое-то время сидит так. Начинает рыскать по карманам. Долго. Пытается найти хоть что-то, за что бы можно было зацепиться, но не находит ровным счетом ничего. И с разочарованным стоном констатирует неутешительный факт. — Пусто. Даже телефона нет.

— Ох, как же нам теперь... ох, я... я и не знала, что такое бывает от, что там с вами могло приключится? — тараторю, поднимаясь с табуретки. Меряю шагами комнату, нервно кусаю ногти.

Это что ж теперь получается, мне его никуда не выгнать?

— Может, в полицию? — предлагает он, переводя на меня мутный взгляд. От слова «полиция» я едва не подскакиваю на месте. Нет! Нет! Нет! Только не полиция. Уверена, там слушать небылицы про амнезию не станут, а мужик всяко расскажет, как я его огрела. Или постойте... он это вообще помнит?

А если пока нет, но потом его накроет неприглядной прав-

дой, и он меня подведет под монастырь? Ну уж нет, лучше потяну время. И хотя бы бой курантов провести дома, а не в изоляторе. А потому, раз и моя вина тут однозначно есть, надо выправлять карму.

— Может... есть хотите? — с лучезарной улыбкой выдаю я.

— Хочу. Очень хочу, — кивает он и снова мне улыбается, от чего я зачем-то краснею, как маков цвет. Ну а что? На меня давно так мужчины не глазели. А может быть и вообще никогда.

— Тогда мойте руки и будем садиться, — бормочу я невнятно.

— А в душ меня пустишь? — я даже не замечаю, как мужик переходит на «ты», но внезапно иду ему на уступки.

— Конечно! Встать-то сможете?

— Не тыкай мне, Ангел, — мужик поднимается, его пошатывает, но вижу, уже явно себя лучше чувствует. Слава богу!

— Варя я, — повторяю вновь, протянув руку. Он правда не пожимает ее, и я тут же убираю ладонь, отчего-то снова смутившись.

— Ангел мне нравится больше, Варя. — Как-то сухо отзывается он.

— А как мне... вас... ой, то есть, тебя называть?

— Я...

— Так?

— Блядь, — сокрушается незнакомец. — Что за херовая ситуация? Но я реально не помню, ни кто я такой, ни как меня зовут. Давай пока оставим мое имя в покое, дай свыкнуться с мыслью, что я ничего не помню, даже когда в последний раз пил.

Ничего не отвечаю, только понимающе киваю. Приятного явно мало, узнать, что ты забыл даже свое имя. Хотя я бы не отказалась от такой функции, может не было бы настолько обидно из-за Женьки, себя, неудавшегося семейного счастья и будущего. Ладно, не время накручивать. Сперва нужно с этим товарищем разобраться.

— У вас вся рубашка в крови, — замечаю я, кивая на его испорченную одежду.

— Что, отмудохали меня, да? — начинает он ощупывать свое лицо и тут же кривится. — Сука, вот же падлы, так и есть.

— Дать вам что-нибудь переодеться?

— Тебе, а не вам, Ангел. Еще раз выкнешь мне и я тебя поцелую.

— Чего? — охаю я и выпучиваю на мужчину глаза.

— Страшно? То-то же..., — и топает в ванную комнату, начиная тут же стягивать с себя одежду, пока я стою и зависаю на эту занимательную картину.

Пальто — минус. За ним пиджак. Дальше рубашка.

Так, Варвара, соберись, нашла чем заниматься!

— Нравится? — замечает мой взгляд мужчина и хмыкает,

а я только отворачиваюсь и даю по газам.

Ничего подобного! Вообще, такие боровы не в моем вкусе. Слишком крупный, раскачанный детина. Весь такой брутальный. Одним словом — хищник! Да и староват на мой вкус.

Едва ли не убегаю в спальню, и замечаю в открытом шкафу платье. Ему уже года три если не больше. Вязаное, нежно алого цвета, помнится, я покупала его еще когда работала. Думала надеть вещицу на корпоратив, но Женька тогда закатил скандал. Мол, сиди дома, чего это на тебя другие мужики пялиться будут. И я как дура послушалась, не пошла, а после как-то отдалилась от коллектива. Они постоянно куда-то выбирались, я же спешила домой, то ужин приготовить, то родню встретить, а потом Женя надавил, и я уволилась.

Эх... не стоило видимо. Права мама. Дура я. Ох, дура. Но платье все равно красивое.

Снимаю его с вешалки, скольжу рукой, ткань такая приятная, хочется примерить. Интересно, влезу ли в него сейчас? Собственно, может надеть? Праздник же! Чего добру пропадать.

Раздеваюсь, кошусь на себя в зеркало, и искренне не понимаю, чем не угодила Жене. Белье на мне ажурное, да, может это не супер секси, но выглядит прилично. На нем я никогда не экономила, тайком покупала, чтобы потом перед Женькой предстать. Хотя кажется, ему и на это было плевать.

Переодеваюсь, расчесываюсь, подкрашиваю губы пома-

дой на автопилоте, а затем понимаю, что прихорашиваюсь зря и почти уже стираю с губ алую краску. Но не успеваю.

Вздрагиваю.

И оборачиваюсь.

А затем едва ли не лишаюсь чувств. Потому что на пороге моей спальни стоит тот самый незнакомец. И единственное, что сейчас скрывает его наготу — это мокрое полотенце, слишком низко повязанное на его бедрах.

Ох...

Глава 6 - Исповедальня

Денис

Вот это баба!

Стыдно признаться, но, чего уж греха таить — я бы вдул. Потом еще раз. И еще, так сказать, дабы результат закрепить. Ну и член хоть ненадолго посадить на цепь, а то вон как взбеленился и рвется в бой. Давно ли такое вообще было, чтобы у меня от прыти этой аж в глазах плыло и кровь шарашила по венам с такой силой, что, казалось, еще немного и меня Кондратий хватит.

А взгляд отвести не могу...

Смотрю на тело это женское. Охуенное со всех сторон, как не посмотри. На задницу орехом смачным. На грудь такого уверенного третьего размера. На ножки стройные и осиную талию. Вот прямо чисто женщина, а не силиконовая неваляшка на одно лицо, к коим я уже давно привык. И которые приелись до зубовного скрежета.

А тут все свое. И даже волосы видно, что не крашеные. Настоящая натуральная блондинка. Я думал, они давно уже вымерли, как динозавры. А нет — стоит, облаченная в кружева блядские и прямо так и выпрашивает, чтобы я подошел к ней сзади и показал небо в алмазах.

Маленькая. Ладненькая. Как по заказу специально под меня скроенная!

Чума!

Так стоп, Морозов, ты вообще-то у незнакомой женщины в гостях находишься. Чистенькой. И по всей видимости замужней, коль у нее на безымянном пальце колечко поблескивает. Она не какая-то там стрекоза продажная.

Но стойку я уже сделал капитально. Правда наблюдение за прекрасным пришлось прервать, потому что член мой, как долбанный компас стоял до пупа и раскачивался из стороны в сторону, очевидно, возражая против такого исхода дела. Он ждать вообще не привык.

От слова «совсем».

А тут такая Снегурка на нашу с ним голову.

Вернулся в ванную, снова встал под упругие капли воды, но на этот раз уже ледяные. Едва ли не заорал во все горло, но сдержался. Да и эффекта достиг нужного. Так я милую блондиночку не напугаю своим стояком, а там уж и окучивать можно.

Жалко только, что придется делать это в этой малогабаритной каморке со скрипучими полами и подтекающим краном. Я как-то от такой «роскоши» совсем отвык. Ну, да ладно...

Зачесал назад свои мокрые волосы и еще раз критично осмотрел себя в зеркале. Вроде бы ничего. Губа чуть кровит, на скуле ссадина и малость бровь пострадала, но в остальном — красавчик. Надо только придумать, как в этом доме гостеприимном на подольше задержаться. А там уж, как го-

ворится, с Новым годом, с новым счастьем, Денис.

Кстати, хорошо, хоть в голове прояснилось. Душ помог, да и при виде полуголого женского тела меня так адреналином вставило, что все извилины начали работать на полную катушку. Вот и свалилась на меня непривлекательная правда.

Я с мужиками сегодня же встречался. Мне Воронин бабки торчал, да и вообще надо было увидеться перед праздниками, кое-какие дела перетереть. Выпили крепко, но не криминально. Мяса пожрали. Насчет охоты договорились. Обычный мужской треп, в общем-то. А потом, когда с посиделками закончили, я вышел на улицу, но сразу в тачку не сел. Покурить решил и мозги чуть проветрить. Парням своим наказал за мной не соваться. И побрел, не разбирая дороги...

Как раз мать позвонила, давай с наступающим поздравлять.

За угол свернул и вот там-то и получил первый увесистый удар по затылку. Затем второй и третий. В темноте и не разобрать сколько их было, но явно поболее, чем трое-четверо. А иначе меня бы хрен кто так в одну калитку вынес.

Затем был небольшой пробел в памяти. Видимо замесили все же. Немного припомнил, как ехал куда-то. А затем мою тушку как куль с мукой сбросили в подворотне. И теперь вот: бабла при себе нет, телефона тоже, часы и печатка аналогичным образом испарились. Но мало мне было для полного счастья — меня еще и пакетом с чем-то тяжелым добили. И не абы кто, а сам Ангел во плоти.

И вот я здесь. И, странное дело, не планирую никуда уходить.

Только надо бы как-то с Пашкой связаться и предупредить, что их начальник не загиб в сугробе, а всего лишь временно словил амурное настроение и отличную задницу в ажурных трусах.

Кивнул сам себе и двинул снова к своей Снегурке, замирая в дверях ее спальни и вновь зависая на ее зачетных округлостях. А в голове только и стучит нескончаемым набатом: «хочу, хочу, хочу». Да что ж такое?

— Мне тут кто-то вещи обещал сменные, — улыбнулся я, когда блондинка повернулась ко мне, да так и застыла с открытым ртом, явно шокированная тем, что видела перед собой.

Смешная. Будто бы мужика настоящего впервые в жизни видела.

— А-а-а... да! Кх-м... они здесь, — невозможно смущаясь, девушка указала на шкаф-купе, в котором тут же принялась рыться, чуть прогнувшись в пояснице и выпячивая передо мной свой соблазнительный орех.

А у меня сразу давление подскочило. Без шуток! И руки зачесались, так захотелось ее по этим упругим ягодицам шлепнуть от души. Нет, ну она явно смерти моей хочет: сначала пакетами прикладывает, потом своим телом охуенно-соблазнительным добивает.

— Вы... ты большой, — бормочет она из недр своего ши-

фоньера, а я сглатываю, зачем-то думая о том, что будет, если я прямо здесь и сейчас ее завалю.

— Не нравится тебе? — делаю я пару шагов к ней, словно меня магнитом притягивает, и едва ли успеваю оттормозиться перед тем, как она поднимается и разворачивается ко мне передом, сжимая в руках запакованную белую рубашку и какие-то штанцы. А мне до этих тряпок и дела нет.

У меня вообще сейчас на уме крутится все, что не имеет никакого отношения к одежде. Словно я не сорокалетний мужик, а подросток в период гона, у которого стоит на все, что движется и имеет юбку. Магия какая-то, честное слово.

— Что вы... ты говорите... говоришь? — сдувает она прядку со своего лица и смотрит на меня хмуро, а мне так поцеловать ее хочется. Вот до такой степени, что я ровным счетом не понимаю, о чем тут у нас вообще разговор идет.

— Говорю, что ты очень красивая.

— Вам, ой, то есть, тебе и правда сильно по голове досталось, да? Болтаете тут всякое, — кривится она и вопросительно на меня смотрит, а я вдруг понимаю, что она даже не покраснела от моих слов. И тут есть два варианта: либо она не осознает, насколько прекрасна, либо мужики ей явно попадались неправильные.

И завис снова, разглядывая ее бесконечно долго. Без косметики. Няша прям такая. На носу россыпь едва заметных золотистых веснушек. А глаза, наоборот, холодные — серые. И смотрят внимательно, без раболепного заискивания, к ко-

торому я так привык.

Смущается...

— Вот, одевайся, пожалуйста. Я буду ждать тебя к столу, — и тычет мне одеждой в грудь, чуть касаясь напряженного пресса костяшками пальцев, и мы оба вздрагиваем, словно бы нас током шарахнуло.

Убегает, потупив глаза в пол, а я со стоном прикрываю глаза и тру их, качая головой.

Да уж, Морозов, дожился ты под сраку лет. На чужих жен облизываешься. Не стыдно?

Честно? Да как-то не очень.

Спустя пять минут критически оглядываю себя в зеркало. Красавчик, блядь. Рубашка села на меня еще ничего, но в брюки я даже влезть не смог. Поржал тихо, да потопал обратно в ванную, где напялил на себя свои, немного потасканные портки. И уж тогда попер к свой Снегурочке.

Да так и выпал в нерастворимый осадок на пороге гостиной. Рот открыл. Шары выпучил.

И облизнулся...

— Я хочу увидеть того волкодава, которому ты все это наготовила, — почесал я репу, разглядывая заставленный под завязку стол. Нет, реально, тут было все, о чем мог мечтать среднестатистический мужик, любящий пожрать от пуза.

Привычная и всеми любимая «оливьеха», селедка под шубой, всевозможные бутерброды, мясная нарезка, сыр, соленья, запеченная утка, какая-то картоха на противне и это

только то, что я смог идентифицировать.

Но моя Снегурка только пожала плечами и как-то уж досадливо вздохнула, очевидно, не зная, что ответить.

— Мы ждем мужа с кучей друзей, так? Поэтому ты такая вся несчастная? Боишься, что он сейчас явится и предъявит за то, что по его квартире ходит какой-то непонятный мужик в мятой рубашке?

— Эх, если бы..., — поджала губы Варя и уселась на табурет, принимаясь ноготком скоблить этикетку на уже початой бутылке водки. А я нахмурился и прошел в комнату, усаживаясь на стул напротив нее.

И только сейчас наконец-то понял, что глаза у моей Снегурки заплаканные, а реснички мокрыми стрелами торчат в разные стороны. И губа дрожит, та самая, которую я так хотел всосать в свой рот, прикусить и облизать, пробуя на вкус.

Так, надо разбираться...

— Так, Ангел, только не реви, мы все починим, — потянулся я к ней и сграбастал в свою руку ее крошечную ладошку. Ноготки аккуратно под корень пострижены и никакого фильдеперсового лака под леопарда. Красиво, черт возьми. Но кольцо ее обручальное бесило — факт.

— Мастер-ломастер, что ли? — подняла она на меня несчастные, полные слез глаза, а я и ответить, чего не нашелся. Впервые в жизни, кажется.

Нет, вообще я бабские слезы и истерики терпеть не мог. Скажу больше — я их органически не переваривал. А тут

даже раздражения привычного не почувствовал, только пожалеть захотелось эту хозяюшку. Ну и затрахать как следует, чтобы она тут не сопли на кулак наматывала, а улыбалась блаженной улыбкой и просила еще улетных оргазмов по ее душу.

— Ангел...

— Да, Варя я, — психанула блондинка и выдернула свою руку из моей хватки, — Варя! Ясно? Варвара Ивановна Синицина! Так сложно запомнить, что ли?

— Угу, — кивнул я, — я и своего имени-то не помню. Так что, не ругайся на меня. Я хороший.

— Откуда ты знаешь? — фыркнула она, а затем глаза выпучила на меня свои серые и огромные и прошептала испуганно. — Я язык забыла нарезать. Погоди.

И убежала на кухню, а я, пока девы красной не было, быстро взял ее телефон и набрал Пашку, тихо тараторя в трубку под залпы салютов, что со мной все прекрасно, искать меня не надо, названивать сюда тоже и я скоро сам выйду на связь.

А там уж и хозяйка с нарезанным языком появилась. Причитала, охала да вздыхала, что у нее в этой жизни через одно место все получается, пока со всех сторон в этой малогабаритной панельной каморке слышались крики обратного отсчета и бой курантов. Я же только крякнул, достал из ведерка бутылку с шампанским и хлопнул пробкой, наполняя пару фужеров до самых краев игристым вином.

— Водку мне, — буркнула Варька, но я только отмахнулся

от нее.

— Водку мне, но позже. А ты вот — пузырьки пей.

А спустя всего пару секунд, под вопли соседей «С Новым годом!», мы с новой знакомой чокнулись фужерами и опустошили их почти залпом, а затем молча начали молотить все, что было на столе.

— Пиздец! — почти зарычал я и закатил глаза.

— Что такое? — встрепенулась Варька.

— Я вкуснее этого мяса в жизни ничего не пробовал, — с полным ртом прошамкал я, а затем вновь набросился на пищу богов. Да так и уничтожал все, что было подано, пока счастливо не откинулся на спинку и блаженно не глянул на моего Ангела.

Не, крутой праздник получился, базара нет. Вот вообще без претензий, даже не жалко, что по кумполу настучали. Девушка красивая, в белье сексуальное упакована, накормила меня, как никто и никогда. Сейчас еще до кроватки доберемся, мужу рога наставим ветвистые и вообще рай будет.

И пока я строил наполеоновские планы, Варвара-Краса совсем дала слабину. Шмыгнула носом, а затем разревелась. Нет, ну вот прям в три ручья.

— Варя! — гаркнул я, но та только глянула на меня потерянно и еще пуще ударилась в свое горе.

— Да за что мне это все? Что я такого плохого в жизни сделала? Где согрешила? Ой...

— Варь, — наполнил я ее фужер до краев, а та тут же

присосалась к напитку, вытирая со щек жгучие слезы.

А затем ее прорвало.

— Не тебе я это все готовила, ясно? Я вообще за водкой ходила, а ты теперь ее у меня забираешь и напиться не даешь. А мне надо! Надо! Потому что вот тут, — и она себе по вискам постучала, — я до сих пор слышу его слова, что я больше не нужна! Что он меня не любит и никогда не любил. Что уходит к ней! К Ленке этой с силиконовыми сиськами! А меня в утиль!

— Ну нихуя себе..., — ошалело откинулся я на спинку стула.

— Я ему и первое, и второе, и компот. И с работы ради него ушла, дома сидела, носки штопала, потому что у меня, видите ли, начальник какой-то не такой, коллектив странный и вообще зачем мне работать, когда у меня муж — скала.

— Он тебя сегодня, что ли, бросил? — форменно прихуел я, не веря, что такие гандоны в принципе бывают.

— Бросил, да! И вот подарок даже прощальный подарил, — кивнула она на раскуроченную подарочную коробку, из которой выглядывала какая-то женская косметика.

И я не выдержал. Прямо со стулом подгреб к ней ближе и сграбастал эту горемычную в охапку, пока она, не замечая ничего вокруг, продолжала мне плакаться.

— Я думала у нас любовь. Как в фильмах, понимаешь? Что скоро мы со всеми долгами рассчитаемся и за детками сходим. Что он на работе задерживается, потому что зарабо-

тать хочет побольше денег в семью. А он Ленку трахал!

— Ну, скотина, что...

— И это мягко сказано!

— Да...

И завис, слушая Варькины россказни о том, какой муж мудло. О всех десяти годах их брака. О ее надеждах и мечтах. Но когда Снегурка заглотила в себя уже больше, чем половину бутылки шампанского, разговоры стали намного интереснее.

— Хотя, откуда там детям было взяться, да? — судорожно вздохнула блондинка. — Я к нему и так, и эдак. Но откуда ж мне было знать, что я его не возбуждаю? Секс по расписанию и не чаще пары раз в месяц. Если не реже…

— С писюном проблемы у мужика?

— Ты плохо слушаешь, — закатила Варька глаза, — не хотел он меня!

— Как тебя можно не хотеть-то? — скривился я в полном непонимании, а она только икнула и замахнула в себя еще один фужер залпом.

— Очень просто! Ты бы видел эту Ленку! Где я, а где она?

— Где?

— У нее губы — во! Ресницы, ногти, рукти. Полный фарш! И сиськи такие, что Памела Андерсон нервно курит в сторонке. И все лицо в уколах красоты. А мне какие уколы? Я все экономила и у Женьки лишнюю копейку просить стеснялась, думая, что он только для нас двоих старается. А он…

Пиздец! Дожились, блядь! Наштамповали кукол резиновых и настоящие женщины теперь среди этой дешевой шушеры комплексами заросли. Да я левую почку готов дать на отсечение, что там не Лена, а полено! И страшенная она, как ядерная война.

— Варь...

— М-м?

— Ну и чего ты из-за этого мудака ревешь?

— А что мне радоваться, что ли? — икнула она снова.

— Как минимум.

— Ну, я же его люблю, — потянула она жалостливо, а меня аж передернуло.

Придется разлюбить! Как-то не настроен я жарить эту охуенную женщину, пока она по своему бывшему членоносцу страдает. Хрена с два! Денис Морозов я или кто?

— Тогда у меня, Варвара, для тебя есть две новости. Одна хорошая, другая плохая. С какой начнем?

— С плохой, — шмыгнула носом Снегурка и сама подлила себе шампанского, опустошая бокал и начисляя новую порцию игристого напитка.

— Хорошо. Новость первая. Плохая. Даже если твой хрен моржовый к тебе вернется, он будет и дальше тебе изменять. Ничего не изменится. Все будет плохо, если не еще хуже по итогу. Ты для него станешь запасным аэродромом, который тупо варит вкусные борщи. Все!

— А хорошая? — подняла на меня пьяные глаза Варвара,

а я улыбнулся улыбкой Чеширского кота.

— Новость вторая. Хорошая. У тебя есть я.

— Ты? — обалдело выпучила на меня глаза Снегурка, а я тут же кивнул.

— Слышала, что клин клином вышибают?

— Угу...

— Ну так вот. У меня есть клин, и я готов им вышибать из твоей прекрасной головки гребаного Женю столько, сколько потребуется, — выдал я и замер в ожидании реакции.

Почему-то даже не сомневаясь, что она по итогу будет для меня положительной.

Глава 7 - Клин

Варя

Утро первого января выдалось, мягко скажем, тяжелым. Я еле разодрала глаза и едва ли не заплакала от того, как адски гудела голова. Мне срочно требовалась таблетка, а может сразу две, чтоб уж наверняка. Фу, еще и во рту такое ощущение, как будто всю ночь кошки старательно гадили.

Надо ж, оказывается, эйфория во время выпивки — явление краткосрочное. Вот знала же, что алкоголь — это не мое, а все равно сунулась. Уж лучше бы я заменила игристое на бутерброды с красной икрой и мандарины. А что? Стрессы, либо запивают, либо заедают. А от еды хотя бы не бывает так гадко наутро.

Ой...

Медленно и не торопясь пытаюсь разлепить веки, устало зевнув. Все так болит, словно я не спала, а всю ночь разгружала вагоны. Однозначно, больше ни капли в рот, ибо шампанское — зло! И вообще, я ведь девушка порядочная, напиваться мне не к лицу.

Ох...

Рука затекла. Надо бы как-то перевернуться, что ли.

Кряхтя, все же делаю это и тут же испуганно икаю, забывая, как дышать.

Так-так-так! Что я там про себя только что думала? По-

рядочная девушка? Пожалуй, этот пункт из моей характеристики можно смело вычеркивать. Вот же черт...

Да уж, а мое утро явно начинается не с кофе. А прям с события года! От которого я, на минуточку, едва ли не падаю с кровати. Почему? Да потому что рядом лежит тот самый забулдыга с напрочь отбитой башкой, которого я сначала огрела бутылкой водки, а затем зачем-то потащила к себе в гости. И сейчас этот мужик сладко так посапывает на той самой подушке, на которой всегда лежала русая макушка моего мужа.

Кажется, я пробила дно!

Смотрю на него отупевшим взглядом, сглатываю, и ничего не понимаю. А потому не замечаю, как начинаю подвисать. Успеваю разглядеть мужественные скулы, и лицо такое, умиротворенное и очень привлекательное, между прочим. Такое обычно по телевизору показывают или на страницах модных глянцевых журналов, где состоятельные и зажравшиеся мужики хвастаются своими крутыми часами, золотыми запонками или нишевым парфюмом.

Вот этот такой же, почти один-в-один, только голый.

Мать моя женщина! Что я наделала? И больше ни единой трезвой мысли: как, зачем, какого черта? Быстро поднимаю одеяло и медленно выдыхаю — мужик в трусах, да и я в белье, только вместо вчерашнего красного платья на мне белая домашняя футболка. Не припоминаю, чтобы переодевалась сама...

Приходится как следует напрячься, чтобы воспроизвести хотя бы крупицы вчерашней новогодней ночки.

Вот мы пьем шампанское, и я прошу еще. А вот рассказываю про Женьку, про наше знакомство и то, какая я по его меркам некрасивая, неухоженная и вообще уже давно не любимая. Незваный гость меня утешает, обнимает, по голове гладит, говорит всякие комплименты, на которые я не обращаю внимания. Он же явно их для моего утешения кидает, из жалости. Ну разве от красивой женщины уходят мужья? Конечно, нет. А потом я снова тянусь к бутылке, осушая раз за разом стаканы с шампанским.

У меня же горе, как ни крути.

Стояла цель напиться — я напилась. Я вообще девушка так-то ответственная, если за дело берусь, то делаю его до конца и обязательно хорошо. Но в этот раз я, кажется, все-таки перестаралась.

И когда мой организм доходит до пика, случается тот конфуз, за который мне теперь безумно стыдно. Помню не прямо досконально, но вот как этот мужик держал мои волосы, пока я обнимала толчок унитаза и общалась с Зеленым Змеем, в моем памяти сохранилось отчетливо. Затем он отпаивал меня водичкой с лимоном и даже умывал мое лицо, заботливо протирая его полотенцем. А потом...

Мамочки! Ну какая стыдоба! Это ж надо было так опозориться. Блин! Ужас! Кошмар!

Потом мы оба как-то доползли до спальни, правда в про-

цессе я пару раз упала тут и там, а он поднял меня и понес, словно пушинку до кроватки. А дальше я, кажется, отрубилась, а потому не припомню, как снимала платье и трясла перед незнакомым мужиком своими прелестями, завернутыми в кружевное белье, купленное специально для мужа.

Нет, я не могла так низко пасть! Не могла...

Итак, резюмируя все эти воспоминания, на ум приходит только следующее: с Новым годом, Варвара! Сама напилась в дугу, так еще и мужику бедному праздник испортила.

Ох...

Сказать, что я в жизни попадала в более нелепую ситуацию, ничего не сказать. Это вообще мое первое такое утро, и столько выпитого алкоголя. Я ж не пью толком, не умею. Позорище. Можно стереть память? И лучше нам обоим. Как там надо? Бутылкой водки по голове? Я готова!

Ладно, мечты мечтами, но реальность исправлять стоило бы. Начать новый год с такой ноты, я не могу. Надо как-то загладить свою вину, за удар бутылкой по голове и за пьяные выходки тоже. Точно! Испеку блинчиков, у нас как раз и варенье есть, и творог, и рыбка красная. Отлично! Думаю, успею. Но сперва, конечно, сбегаю в душ, приведу себя худо-бедно в порядок, и сразу на кухню. Тихонько прикрываю дверь в спальню и в путь.

С готовкой у меня никогда не было особых проблем, а уж спустя столько лет, я многое делаю на автомате, как, допустим, блины. Они у меня выходят поджаристые, тоненькие,

ажурные, почти прозрачные. Начинку тоже быстро делаю, решаю, как говорится, угощать на широкую ногу: с мясом, вареньем, с творогом и без ничего.

Так закручиваюсь, что не замечаю, как позади вырастает мой персональный Дед Мороз. Уже в душ успел сходить и теперь замер в дверном проеме в одном лишь полотенце, низко висящем на бедрах.

— Вот это поляна с утра пораньше! — охает он. Честно сказать, не помню, чтобы кто-то с такой радостью встречал мою стряпню. Приятненько!

Правда, не только про еду думаю. Какая уж тут может быть готовка, когда этот персонаж вновь смущает меня атлетичным телом? Хотя, чего ему там стесняться? Шести кубиков пресса? Или раскачанных рук? Тут я почти в тихий обморок падаю, во второй раз, между прочим. И не могу главное глаз отвести от его бронзовой кожи, и всех этих проклятых мышц. Клянусь, я думала такие только в кино у всяких там Кхалов Дрого бывают...

— Ангел, — снова называет этим непонятным прозвищем он меня. — Да ты знаешь, что любой мужик бы душу отдал, чтобы его утром так встречали?

— Любой, да не любой, — отмахиваюсь, отвернувшись, стараясь дышать глубоко и часто, чтобы вновь не разреветься.

— Варь...

— М-м? — почти до крови прикусываю я нижнюю губу,

а затем замираю, не в силах понять с первого раза, что это такое тут начинает происходить. Внезапно!

Но да, Дед Мороз с кубиками и обалденным телом древнеримского бога, вдруг подходит ко мне и пристраивается за спиной. Очень близко! Так, что я чувствую жар его тело и мятное дыхание, которое обжигает мне затылок. А затем вздрагиваю, так как мужские руки легонько прикасаются ко мне и скользят по моим предплечьям, да так нежно, что у меня аж дыхание перехватывает. И мне бы рвануться прочь! Наорать на него на тему: да как он смеет вообще? Но нет.

Стою. Жду чего-то. И зачем-то прикрываю веки, прислушиваясь к этой ласке...

А когда его горячие пальцы касаются моих, я кажется, теряю землю под ногами. Не помню уже, если честно, вот так, чтобы ко мне прикасались. Трепетно, но в то же время настойчиво.

— Что ты делаешь? — шепчу я вдруг охрипшим голосом.

— Благодарю, Варь. За блинчики...

— Я не такая! — отталкиваю я его с силой и вырываюсь. — И благодарить меня не надо. Особенно вот так.

— А как же клин? — усмехается он и снова подается ближе, зажимая меня в углу кухни, пока я захлебываюсь дыханием, страхом и еще каким-то невероятным жаром.

Не мудрено! Такой самец вдруг нападать решил! Ой...

— Какой еще клин? — хмурю я брови.

— Который всегда к твоим услугам, Ангел, — и вдруг

толкнулся в меня пахом. А меня аж затрясло!

— У меня принципы есть, вообще-то! — тоненько пискнула я, чувствуя, как что-то очень твердое, горячее и настырное упирается мне в живот. Пульсирует. И явно подкатывает с нехорошими намерениями.

Зажмурилась от страха, кусая губы. И чувствуя, как живот крутит от паники. И ноги подкашиваются еще тоже...

Дура! А я ему тут блины жарила! Кто же знал, что жарить на этой кухне хотят только меня?

— Да кто ж сомневается в твоих принципах? — прошептал этот чертов Дед Мороз, а затем пошел дальше, пока я испуганной ланью стояла и не понимала, что же делать дальше.

Он наклоняется, щекоча дыханием мою шею, а затем влажно поцеловал место, где оголтело билась синяя венка. Ох, мама дорогая, у меня по телу сплошные электротоки побежали. И между ног потянуло так сильно, что ошибки быть не могло — я со скоростью света катилась по наклонной.

И стыдно признаться, но мне вдруг захотелось, чисто поженски, в омут с головой, да так, чтобы забыться и ни о чем не думать. Захотелось, ощутить себя желанной, а не забитой мышкой в клетке. Не так, где в темноте под одеялом раз в месяц: сунул-вынул-захрапел.

А чтобы голос сорвало от кайфа. Чтобы соседи по батарее от зависти стучали, слыша, как я ору от наслаждения. Хотелось утопиться во грехе, а не в горе, брошенной в канун Нового года брошенки.

Но как же я потом буду себе в глаза смотреть. Знать, что вот так — нашла на улице первого встречного-поперечного и меньше суток спустя позволила ему все. Женька за мной больше полгода ухаживал, прежде чем получить зеленый свет.

А тут вот — признать себя женщиной второго сорта, на которую только безумные Деды Морозы спрос имеют?

Да к черту!

— Нет, я правда не могу... — теряюсь, и все-таки выскакиваю из его объятий. Отхожу к окну, облокотившись спиной о подоконник. На мне белый махровый халатик, и тапочки из массмаркета. Я совсем не презентабельная, хотя вот если посмотреть в глаза этому мускулистому персонажу, который хищной походкой приближается, кажется иначе.

Он ведь даже не думает тормозить и хоть сколько-нибудь снижать обороты. Он настроен максимально решительно. Он хочет вышибить из меня клин своим чертовым клином, который уже явно выпирает под полотенцем.

Божечки! Зачем я туда посмотрела? Ай...

Какой огромный...

М-м-м, кажется, у меня жар! Ох...

Но отвести взгляд не могу. Так и таращусь: одним глазом на этот потрясающий стояк, другим на то, как Дед Мороз крадется ко мне с очевидным намерением все же подарить мне подарок в этот сумасшедший праздник.

А мне не надо! Нет, ну честное слово! Я и без клина вполн-

не себе еще не помираю от горя...

— Варя, ты охуенная женщина, — все же встал напротив меня этот мужик и уперся руками в подоконник. — Как мужик тебе говорю, а не незваный гость. Хочешь, конечно, можешь страдать. Но, сказать по правде, жить на полную катушку интереснее.

— Это же неправильно, — щебечу себе под нос, — я даже имени твоего не знаю.

— Так я тоже его не знаю.

Он ласково проводит рукой по моему лицу, касается пальцами моих губ, очерчивая контур, и опускается к шее. Тело мое предательски трепещет от происходящего, да что уж там, у меня и голова кругом не только оттого, что он мне предлагает, но и в целом, от всего, даже от самой себя.

— Варь...

— М-м?

— Ну можно я тебя хоть поцелую? — и улыбается мне так похабно, что мне становится жарко, причем везде! Во всех стратегически важных местах.

— Не знаю, — мой голос звучит слишком прерывисто, так словно я уже дала добро на все, и только на словах теряюсь. И он, этот мужик, явно смекнув это, наклоняется ко мне, касается губами кожи возле моего уха, заставляя табун мурашек осыпаться по телу и осесть тлеющими углями между ног. Его руки медленно скользят по моим плечам, отчего меня накрывает волна приятной дрожи. До умопомрачения

приятной.

Все вокруг растекается, и я кажется тоже.

— Да или нет, Ангел? — шепчет так томно мне на ухо, выбивая весь воздух из легких. Чуть прикусывает мочку. Лижет ее. Снова толкается в меня пахом, высекая из нас искры и тихий обоюдный стон.

Ответить я не успеваю, да и нужен ли вообще мой ответ?

Я лишь открываю рот, чтобы выдать очередное жалкое возражение, но тут же теряюсь во времени и пространстве.

Потому что этот чертов Дед Мороз стремительно накрывает мои губы наглым, жарким поцелуем. Таким страстным и неистовым, что у меня в животе узлами скручиваются огненные змеи и принимаются жалить меня между ног. Прямо там! От этого поцелуя с губ срывается резкий, глухой полустон.

Мамочки...

А мужчина, тем временем, все углубляет поцелуй, проталкивается языком в мой рот, и принимается накачивать меня собой и своим огнем. Будто бы мне моего мало! Я вся горю! И мне бы бежать в ванную, вставать под ледяные капли дождя и тушить себя изо всех сил, но я медлю. Позволяю себе еще чуть-чуть побыть здесь. Почувствовать себя нужной. Желанной. Вспыхнуть еще сильнее, когда руки мужчины дергают за пояс моего халатика и позволяют полам разойтись в стороны.

А там только тоненькая майка и белые трусики, при виде

которых у моего незваного гостя вырывается глухой стон с нетерпеливым рычанием.

— Пиздец, ты, Варя, попала...

А я не соображаю ровным счетом ничего. Я вся сосредоточена на отсчитывании времени, которое позволяю себе стоять тут и млеть в его руках. Еще немного осталось. Еще капельку, и я его оттолкну. А пока пусть. Ведь он так сладко меня целует. Так приятно ласкает. Так жадно тискает грудь, задирает майку и прикусывает сосок, а затем глубоко в себя всасывает.

Урчит голодным зверем.

А затем в одно движение рвет мои трусики вниз, подхватывает меня под задницу и усаживает на подоконник, раздвигая мои ноги перед своим алчным, горящим взглядом.

И вот тут меня лупит реальность по лицу. Сильно!

Варя, але, гараж! Проснись! Немедленно!

Глава 8 - Я - женщина!

Варя

Сердце за ребрами натужно скулит и глохнет, перекачивая бурлящую кровь.

Мне так жарко! Мне так сладко! Мне так до ужаса стыдно!

А что поделать, если тело предает и не слушается?

Боже мой, ну почему я такая безвольная размазня? Почему не могу вот прямо сейчас сказать этому несносному мужику пар

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.